

СЛИНКИН МИХАИЛ ФИЛАНТЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым. Родился 5 декабря 1925 г. в д. Кама, Кондинский район, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область. Учился на мансийском отделении Ханты-Мансийского педагогического училища. После окончания военного училища и получения первичного офицерского звания принимал участие в Великой Отечественной войне в качестве командира огневого взвода минометной батареи. Участник штурма Берлина. В 1956 г. окончил спецфакультет Военного института иностранных языков (г. Москва). Владеет английским, персидским и дари языками. С 1957 по 1990 г. неоднократно находился в длительных служебных командировках в Афганистане в качестве старшего переводчика, старшего референта, политического советника при

высших афганских партийных и государственных деятелях и советника советского посольства в Кабуле. Автор «Русско-дари военного и технического словаря», 10 монографий и многих научных статей по истории Афганистана и Ирана, а также учебных пособий по персидскому языку. В настоящее время преподает историю стран Среднего Востока и персидский язык в Таврическом национальном университете им. В.И.Вернадского (Украина).

М.Ф.Слинкин
АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ¹
ХАДЖИ

Тогда, в начале 60-х годов прошлого века, среди немногочисленного коллектива "шоурави" (советских) в Кабуле редко кто знал его подлинное имя, хотя мы с ним встречались чуть ли не ежедневно. К нему, почтенных лет, сухонькому, всегда опрятно одетому, с неизменной белой чалмой на голове старичку, все мы обращались на "вы", уважительно называя "Хаджи-саиб" ("Господин Хаджи"). Титул "хаджи" был им, впрочем, заслужен многократно: будучи глубоко верующим, поистине правоверным мусульманином и располагая к тому же немалым достатком, он не раз и не два в своей жизни совершал хадж к святым местам – в Мекку и Медину. Хаджи, как это и подобает настоящему восточному купцу, в общении с покупателями неизменно оставался степенным в своих жестах и манерах, веселым и общительным по натуре человеком. Он ценил, понимал и принимал в свой адрес доброжелательный юмор и шутку. Так что общаться с ним было легко и приятно.

Ему была присуща еще одна отличительная черта. Несмотря на свой солидный (видимо, за 70 лет) возраст, его излюбленными темами в разговоре были женщины, их красота и достоинства, а также средневековая классическая персидская поэзия, которую он знал отменно. Из дружеских бесед с ним мы узнали, что у него была большая семья, включавшая четырех жен, из которых старшей уже давно перевалило за 50 лет, а младшей едва исполнилось 16.

Его дукан, где можно было купить практически все продукты питания от мяса до свежих фруктов и овощей и самую разную мелочь, располагался на набережной реки Кабул, прямо напротив известной столичной соборной мечети "Шах-и Дошамшира". По счастливой случайности заведение Хаджи примыкало стеной к стене нашего посольства. Видимо, в силу данного обстоятельства большая часть наших соотечественников, в том числе и посольские работники, предпочитали покупать товары первой необходимости именно у Хаджи. Он этим явно гордился, дорожил и старался не только вежливым и услужливым обхождением с "шоурави", но и высоким качеством предлагаемого им товара сохранить за собой данную, крайне доходную, клиентуру.

За нее, однако, Хаджи приходилось вести непрестанную, скрытую и явную "войну" со своими конкурентами, прежде всего с непосредственным соседом по торговому ряду. Этот сосед, назовем его Османом, в каждодневной борьбе за покупателя, особенно того, кто часто навещал Хаджи, не брезговал ничем. Обычно, завидев такого потенциального клиента, он жестом руки настойчиво зывал его к себе, а когда тот подходил, то, подав свое грузное тело чуть вперед, полужёпотом, чтобы Хаджи не услышал, с укором говорил:

– Что ты все к нему ходишь? Посмотри, какой он сопливый!

Впрочем, к подобного рода неблагоприятным приемам нередко прибегал и степенный Хаджи. Встретившись в очередной раз с таким незадачливым клиентом-изменником, он с присущим ему тактом журил последнего, кивая при этом в сторону Османа:

– Ай-ай, как нехорошо, мой дорогой! Зачем ты к нему заходишь? Разве товар у меня хуже? Неужели тебе нравятся его грязные, потрескавшиеся пятки, в которых давно завелись клопы?

Итак, у Хаджи можно было купить все или почти все. Не гнушался он торговать и запретными для мусульманина алкогольными напитками – от спирта, водки и виски до разнообразных, изысканных вин западного производства. В местной среде того времени среди даров Вакха большой популярностью пользовался 96-градусный спирт ташкентского розлива в стандартных поллитровых бутылках, поставлявшийся в Афганистан через афганскую государственно-частную монополию, как официально считалось, для медицинских целей. Доступ к этой "медицинской" продукции у Хаджи был довольно широкий: он владел акциями этой монополии и, ходили слухи, что даже входил в число членов ее правления.

Как-то зайдя к Хаджи, я стал невольным свидетелем его разговора с мужчиной-афганцем:

– Хаджи-саиб, у тебя есть лекарство? – спросил этот посетитель.

Хаджи, посмотрев по сторонам, и убедившись, что, кроме присутствующих, никого нет, утвердительно кивнул головой и тихим голосом, с подчеркнутой учтивостью спросил:

– Да, конечно. Что изволите, уважаемый?

– 96, – загадочно ответил последний.

Хаджи одобрительно наклонил голову, полез рукой куда-то под сиденье, осторожно достал оттуда бутылку, с поспешностью завернул ее в бумагу и с поклоном вручил покупателю.

На мой наигранно недоуменный вопрос, как же такое деяние и клиента, и продавца согласуется с канонами веры, Хаджи без тени смущения и раскаяния ответил:

– Что поделаешь, дорогой? Надо же мне кормить свою семью, да и помогать, по возможности, немощным, бедным и страждущим. Аллах, да простит нас!

И все же необузданная страсть к наживе иногда крепко подводила Хаджи. В один из дней, забыв на миг о сохранении своего доброго имени среди иноземных завсегдатаев, он подсунул нашим посольским работникам большую партию далеко не первой свежести продуктов, закупувавшихся ими для дипломатического приема. Наши люди, возмущенные до глубины души такой неблагодарностью Хаджи, объявили ему всеобщий бойкот. Лишившись немалого дохода, он начал метаться, часами ходить вдоль ворот посольства под бдительным взором афганского полицейского-охранника и, наконец, улучив момент, когда полицейский

¹ Продолжение цикла публикаций

отвернулся, торопливо подсунул в щель под воротами покаянное письмо. В нем Хаджи каялся в содеянном и умолял простить ему это прегрешение. Письмо его, в конце концов, возымело действие: бойкот был милосердно снят. С этого времени Хаджи в общении с нами заметно изменился: в его манерах и поведении, вместе с прежней приветливостью, появились еще и подчеркнутые элементы подострастия и угодливости.

По обыкновению к Хаджи мы заезжали после работы, благо это было по пути. Однажды, где-то в феврале, я в очередной раз заглянул к нему. В это зимнее время на кабульском базаре традиционно, из года в год, появлялись первые весенние свежие овощи и разнообразная зелень из Пакистана. Увидев зеленый стручковый горох, я решил побаловать им своего шестилетнего сына. Когда я не спеша, набирал его в поданный мне Хаджи кулек и о чем-то беседовал с ним, неожиданно подошла к нам жена моего коллеги по работе - Надежда Александровна. Она принадлежала к той категории женщин, на которых нельзя было не обратить внимание. Это была внешне чрезвычайно привлекательная, полнотелая, с длинными черными волосами, с неизменной улыбкой на губах и, несмотря на свою дородность, быстрая в движениях дама. Мы все в своем небольшом коллективе искренне уважали ее не только за добрый и веселый характер, но и за ее удивительный голос и талант певицы. Надежда Александровна многие годы выступала на сцене Ленинградской оперетты, которую вынуждена была оставить ради мужа-офицера, постоянно кочевавшего по дальним гарнизонам, а затем волею судьбы оказавшегося в Афганистане.

– Миша, что ты тут делаешь? – спросила она, чуть переводя дух от быстрого шага.

– Да вот хочу угостить своего сына пакистанской экзотикой, - показал я пальцем на корзину с зеленым горохом.

– Попроси, пожалуйста, Хаджи, чтобы он и мне дал кулек. Хочу также побаловать своего Петьку.

Набирая горох в кульки, мы оживленно о чем-то болтали. Взглянув мимоходом на Хаджи, я обратил внимание на его напряженную позу и бегающие глаза, которыми он низал то меня, то мою собеседницу. Заметив мой взгляд, Хаджи наклонился в мою сторону и тихим голосом спросил на языке дари:

– Это что твоя жена?

– Да, конечно, – слукавил я, поняв, что же в ней очаровало Хаджи.

– Бях, бях, бях, – с явной завистью и восхищением заговорил он и, слегка откинув голову назад и набок, начал прищелкивать языком, затем остановился и после небольшой паузы спросил:

– Чем кормишь?

– Да вот, пожалуй, почти ничем, разве что только горохом, – продолжал я разыгрывать Хаджи.

Старичок, кажется, поверил в мои слова и, посмотрев куда-то поверх моей головы, таинственно заключил:

– Вот оказывается в чем дело. Буду и я кормить своих жен тем же.

... В середине 60-х годов, когда наше посольство переехало в новый комплекс зданий, построенных на юго-западной окраине Кабула, а мы поселились на вилле среди торговых рядов Зеленого базара в Шахренау ("Новый город"), наши контакты с Хаджи, к сожалению, прекратились. Однако добрая память об этом обаятельном человеке, со всеми его достоинствами и слабостями, осталась у всех нас, кто в течение ряда лет имел приятную возможность общаться с ним.

КАБУЛЬСКИЙ БАЗАР И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Кабульский базар, как, впрочем, и любой другой восточный базар, - зрелище исключительно экзотическое. Он неизменно удивлял и продолжает удивлять и поражать воображение иностранцев, особенно тех, кто впервые оказывается в его объятиях, своими яркими красками и диковинными запахами, нескончаемыми шумом, гамом и суетой одних на фоне размеренной степенности других, назойливостью лавочных зазывал и снующих тут и там крикливых лотошников и еще каким-то духом таинственности и загадочности, навеянной известными сказками об Али-Бабе и сорока разбойниках. К тому же, что надо выделить особо, базар на Востоке - не просто место купли-продажи всякой всячины, но и кладезь самой разной информации – обывательской, криминальной, торгово-экономической, политической, международной и прочей. Базар здесь – это одновременно и традиционный центр формирования общественного мнения. Так что, попав на него, неизбежно становишься объектом и субъектом информации и обязательно узнаешь что-то новое, правда, надо признать, далеко не всегда достоверное, но непременно интересное и интригующее.

Восточный базар, что следует подчеркнуть, не любит скучных, неразговорчивых людей. Исходя из этого неписаного правила, каждый восточный торговец стремится перед клиентом блеснуть своим умом и красноречием, одновременно ожидая от собеседника того же. Таким вот интересным и широко осведомленным человеком на кабульском базаре был мой старый, еще с конца 50-х годов прошлого века, знакомый, владелец дукана промышленных товаров, располагавшегося на набережной реки Кабул, невдалеке от новой городской соборной мечети Пули-Хешти. В нашем кругу мы его звали "И что это такое".

Это прозвище он заслужил тем, что, встречая своих старых знакомых из числа "шоурави" (советских), он вскидывал в радостном порыве руки вверх и слегка в сторону и приветствовал их по-русски с типичным восточным акцентом:

–И что это такое?

Затем, исчерпав этим весь запас русских слов, переходил на язык дари:

– Салам-алейком, мой дорогой! Что же ты так долго не заходил ко мне. Я уже давно храню достойную

тебя вещичку. Скажу тебе откровенно, ты ее на всем базаре сейчас не найдешь.

После таких слов было просто неудобно не взять предлагаемую "вещичку", хотя, по правде говоря, без нее ты мог бы свободно обойтись. Тут же подумалось:

– Ай да молодец, "И что это такое"! Тебе, как настоящему восточному купцу, при всем старании не откажешь в хитрости и умении подать и продать любой товар.

Как-то в четверг, в послеполуденные часы, мне снова привелось заглянуть к нему для душевной беседы. Встреченный им, как обычно, словами "И что это такое", я удобно расположился в предложенном мне кресле. Принесли ароматный чай, и мы начали неспешный разговор. Немного осмотревшись в его обширном магазине, переполненном доверху разнообразными товарами, я заметил на прилавке горки аккуртно уложенных металлических монет самого разного достоинства – в 5, 2, 1, 0,5 и 0,25 афгани. "И что это такое", уловив мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Дорогой мой, сегодня четверг, предвыходной день недели. А согласно исламской традиции, в этот день, после полуденного намаза, подача милостыни бедным и нищим обязательна для каждого истинного, обладающего достатком мусульманина.

Не прошло и нескольких минут, как в лавочку робко вошла сгорбленная старушка с откинутой на голове чадрой и, что-то бормоча, протянула хозяину лавочки сухонькую, дрожащую руку. Тот, взяв из стопки несколько самих мелких монет, безучастно сунул их в руку старушки и повелительным взмахом ладони показал ей на дверь.

Неожиданно нашу беседу прервал непонятный шум на улице и нечленораздельные выкрики "Алла-акбар". В тот же момент в лавочку буквально влетел дервиш-маланг, явно обкуренный наркотиком. Весь его вид – налитые злобой и неистовством глаза, всклокоченные, невымытые волосы на голове и бороде, устремляющиеся торчащие на плече железный дервишеский топорик, придерживаемый одной рукой, а в другой – висевшая на проволоке консервная жестяная банка с тлеющей в ней рутой – внушал оторопь и предчувствие чего-то зловеще неожиданного.

Дервиш без поклона, требовательно протянул руку лавочнику, бросив одновременно неодобрительный взгляд на меня. "И что это такое" засуетился, быстро взял пригоршню самых крупных монет и с подчеркнутой учтивостью протянул их дервишу. Последний рывком взял монеты, не выказав при этом и тени благодарности, и быстро вышел из лавочки, выкрикивая "Алла-акбар" и еще что-то трудно понимаемое.

Немного придя в себя от увиденного, я задал вопрос приунывшему собеседнику:

– Что же ты так много дал дервишу, а вот старушке ...?

– Дорогой мой, – со вздохом ответил он, – ты, видимо, не знаешь наших дервишей-малангов. Если бы я ему дал, избави Бог, как старушке, то он бы разнес в пух и прах весь мой лавочку. И еще, слава Аллаху, что он не признал в тебе неверного. Тогда определенно нам бы с тобой не поздоровилось. Маланг – фигура непредсказуемая. Его ни при каких обстоятельствах не следует провоцировать. Вот в чем дело.

Мой друг был абсолютно прав. Дервишеское братство малангов – нищенствующих мусульманских бродячих аскетов-мистиков – снискало в Афганистане дурную славу и своим поведением, и как курительщики опиума и особенно чарса, который они называют "травкой маланга". Маланги тесно связаны с суфийским орденом кадирийя и считают себя "малангами пир-саиба", то есть Сеида Ахмада Гилани, главы этого ордена в стране. Следует заметить, что орден кадирийя появился в Афганистане еще в XVII в. и ныне объединяет в своих рядах заметную часть афганского общества.

Дервиши-маланги, численность которых в настоящее время в Афганистане составляет несколько тысяч человек, обитают преимущественно в Кабуле, в районе Чандавуль (в трущобах "старого города"), где при всех правящих режимах открыто функционировали многочисленные опиекурильни. Их завсегдатаями неизменно были маланги. В темное время суток они нередко нападали на случайных прохожих и грабили их, за что и получили в народе прозвище "леопарды в шкуре маланга".

Население страны испытывает перед ними чувство страха. При их виде мужчины расступаются и отходят в сторону, а суверенные женщины, боясь их дурного глаза, отворачиваются и закрывают лицо платком или ладонью руки. Что касается консервативно-клерикальных сил страны, то они во все времена использовали дервишей-малангов в своих корыстных интересах для оказания давления на правящие круги и дискредитации неугодных влиятельных должностных лиц. В 50-70-х годах прошлого века, к примеру, дервиши-маланги широко привлекались для очернения проводившихся "сверху" демократических реформ и преобразований.

Мне запомнились и некоторые другие встречи на кабульском базаре, особенно в районе Турабас-хан (в нашем обиходе – "Зеленый базар"), где одно время привелось вместе с семьей проживать. Там-то судьба и свела меня с коренным кабульцем, индусом по конфессиональной и, как принято в Афганистане, национальной принадлежности.

Его мы называли "Индус". В течение более чем 30 лет, приезжая время от времени в Кабул на длительные сроки по служебным делам, мне приходилось с немалым удивлением наблюдать за его неспешным восхождением по социальной и имущественной лестнице от мелкого, заурядного торговца до весьма крупного, процветающего коммерсанта. К 80-м годам XX в. он уже владел на Зеленом базаре столицы шикарным торговым заведением в два этажа с большим штатом работников. В это время он сам сидел уже не за прилавком, как это было прежде, а рядом с кассой, за большим канцелярским столом, попивая чай и радушно встречая и провожая посетителей.

Это был удивительный по складу ума, манерам поведения и характеру человек. Его отличали высокая образованность и интеллигентность, общительность и чувство собственного достоинства, широкие связи в деловых и официальных кругах столицы, глубокое знание жизни и настроений афганского общества и, ес-

АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

тественно, индусской общины в Афганистане. Впрочем, ему, как типичному представителю восточного базара, не были чужды в торговых делах разного рода лукавства и ухищрения.

Чтобы не создавать у него каких-либо иллюзий насчет целей своего визита к нему, я почти всякий раз, заходя в его магазин, повторял после взаимных приветствий одну и ту же стандартную фразу:

– Дорогой, сегодня, как это часто бывает, я не намерен что-либо покупать у тебя. Если не возражаешь, мне хотелось бы поболтать с тобой о том о сём.

В ответ он, согласно кивая головой и предлагая стул, с неизменной любезностью, шутливо спрашивал:

– Тебе, уважаемый, что: чай, кофе? А может быть, что-нибудь покрепче, как это водится у вас, у русских? – При этом он хитро улыбался, так как прекрасно знал, что его гость категорически и уже давно не употребляет "что-нибудь покрепче".

– Да, разумеется, – отвечал я в заданном им тоне, – не откажусь от чего-нибудь покрепче ..., например, кофе.

Чаще всего задавать характер и направленность беседы приходилось мне. Как востоковеда по образованию и профессии, меня интересовали больше всего всесторонне известные моему знакомому особенности быта, семейных и внутриобщинных отношений индусов, их культовые обряды и повседневные ритуалы, уходящие своими корнями в далекую ведическую культуру. На сей раз речь у нас зашла об индусской вегетарианской кухне. В тот момент к нам присоединился только что пришедший из школы сын хозяина магазина, мальчик лет 10-12. Услышав наш разговор, он со вздохом сожаления сказал:

– А мне уже не дают яйцо всмятку, поскольку я стал большой. А я их так люблю...

В ходе беседы хозяин магазина как-то неожиданно наклонился к моему уху и зачем-то вполголоса проговорил:

– Знаешь, дорогой, на днях я вернулся из Германии и привез оттуда два чудных шерстяных свитера: один – для товарища Бабрака Кармала, а другой – для тебя лично. Сказывают, что Кармалу он очень понравился.

По знаку хозяина его тут же принесли. Действительно, свитер был отменного качества и даже моего роста. Причин для отказа брать "чуждую" вещь у меня не нашлось: нельзя же было демонстративно отвергать то, что понравилось самому афганскому лидеру. Однако тогда меня крайне удивила не столько хитрость Индуса, сколько то, что он, оказывается, знает обо мне гораздо больше, чем я мог предполагать, в частности о факте моей работы в высших правительственных кругах Афганистана и о моем личном знакомстве с Кармалем.

Позже мне привелось побывать в гостях у Индуса. В его доме изумляло буквально все: и особая, прямо стерильная чистота, и изысканный домашний уют, и воздух, напоенный ароматами каких-то диковинных цветов, и стол, богато накрытый разнообразными блюдами вегетарианской пищи. Но главная для меня, евразийца, новость заключалась, пожалуй, в рассказах гостеприимного хозяина о повседневных ритуалах и традициях индусов с подъема до отхода ко сну. Он поведал, что истинный последователь индуизма встает с постели до восхода солнца и обязательно на правую ногу, читает краткую утреннюю молитву, а затем отправляет естественные надобности с непременным омовением. При этом женщины должны вставать раньше мужчин и совершать до их пробуждения все гигиенические потребности человека, чтобы потом встретить мужчин чистыми и омытыми. Хозяин особо подчеркнул, что индусская ритуальная практика категорически запрещает брать пищу и даже притрагиваться к ней левой рукой. Левая рука у индусов, как, впрочем, и у мусульман, считается нечистой, так как только ею, по религиозной традиции, совершается подмывание после отправления естественных надобностей.

Профессиональный интерес к Востоку свел меня с еще одним выходцем из Индии, сикхом по религиозной принадлежности, владельцем солидной аптеки, располагавшейся в центре афганской столицы, по соседству с площадью Пуштунистана и соборной мечетью Пули-Хешти. Проходя как-то мимо его заведения (а случилось это в далеком 1957 году), я заметил за его широким, во всю стену, окном, рядом с образцами разных лекарств также и книги, в том числе и персидские словари. Последнее обстоятельство, естественно, не могло не привлечь к себе мое внимание. Войдя в аптеку, я поздоровался с ее хозяином, человеком лет 35-40, восседавшим за массивным стеклянным барьером.

– Добро пожаловать, уважаемый! – приветствовал он меня на чистейшем языке дари. – Какие заботы и нужды привели вас ко мне?

– К счастью, бог милостив, не ради лекарств. Мне пока грешно жаловаться на здоровье, – ответил я, внимательно разглядывая характерный для сикхов его роскошный тюрбан и тщательно ухоженную и убранную под подбородком бороду. – Меня заинтересовали ваши, выставленные на витрине персидские словари.

– О, да! – прищелкивая языком, заметил он. – Это – прекрасные словари. К примеру, вот этот недавно поступивший из Ирана толковый словарь персидского языка Хасана Омида.

Меня, как переводчика, не надо было убеждать в ценности такого рода словарей. Немедля заплатив названную сумму, я стал обладателем самого первого издания этого словаря, получившего в дальнейшем широкую известность как в Иране, так и за рубежом. Радуюсь неожиданной удаче, я представился и спросил хозяина аптеки:

– Как мне вас называть, уважаемый?

– Зовите меня просто – Сингх.

Вот так состоялось наша первая, но далеко не последняя встреча. В последующем мне приходилось не раз бывать у него. Он рассказывал много интересного об основах веры сикхов, их образе жизни, морально-

нравственных принципах и ценностях, взаимоотношениях внутри своей общины и с представителями других конфессий, а также и о проблемах существования их религиозного меньшинства в мусульманской стране. Слушая его, мне показалось, что сикхи Афганистана, ведя, как правило, обособленный, замкнутый образ жизни и занимаясь всецело бизнесом без какого-либо активного вторжения в политику, именно этим снижали к себе лояльность местных властей и обеспечивали таким образом в общем-то чужой для них стране довольно комфортные условия жизни своей общины. В определенной мере этому, видимо, содействовали и основные постулаты сикхизма, идентичные исламу: единобожие, проповедь братства и равенства людей, веротерпимость, осуждение кастовости, идолопоклонства и национальной исключительности. Правда, есть у сикхов и свои, характерные только для них особенности, которые, однако, делают их в глазах иноверцев, в частности мусульман, никак не врагами, а просто другими. Как известно, мужчины-сикхи, в отличие от приверженцев других религий, обязаны носить тюрбан, не стричь волосы на голове и бороде, постоянно иметь при себе три стальных предмета: меч, гребенку и браслет.

Сикху, по канонам его веры, не возбраняется употребление спиртных напитков. Мой знакомый, надо признать, был большим поклонником Бахуса. Нередко, касаясь в разговорах этой темы, он как-то оживлялся и демонстрировал глубокие познания в достоинствах и недостатках того или иного зелья местного и заморского производства. При этом мне всегда почему-то казалось, что все это он говорит исключительно ради меня, из лести к русским, изобретателям знаменитой водки, о которых в мире сложился устойчивый стереотип представлений как о заядлых и непревзойденных любителях "святой водицы".

Однажды, зайдя к нему в очередной раз, я увидел его сидящим с опущенной к столу головой, каким-то подавленным и явно нездоровым.

– Что случилось, дорогой? – участливо спросил я.

– Да вот вчера у нас с друзьями была вечеринка. И я хватил лишнего, – хватаясь за голову обеими руками тихо ответил он.

– Что же ты, прости за любопытство, пил?

– Как всегда этот злополучный арак. Будь он неладен!

После этих слов все стало яснее ясного. От употребления данного напитка, называемого в нашем кругу "кишмишовкой", редко у кого-нибудь из пьющих не раскалывается голова. Кишмишовка – самогон самой худшей пробы, в который его изготовители для вкуса обычно добавляют различные ароматические вещества, а для крепости еще и карбид.

– Вай, вай, дорогой! Разве ты не знаешь, как арак готовят здешние базарные дельцы? – задал я риторический вопрос. – У тебя же, посмотри, так много чистейшего спирта ташкентского производства.

– Что ты говоришь? Он же дорогой! – пожав плечами, искренне удивился Сингх.

У меня не нашлось аргументов для возражения: по-своему он был прав. Деньги в бизнесе порой бывают дороже здоровья.

... Апрель-май 1970 г. В эти дни в афганской столице сложилась крайне тревожная обстановка. Консервативно-клерикальные круги, недовольные политикой правительства и прежде всего его мерами по демократизации общественно-политической жизни страны, а также начавшимся широким празднованием столетними левыми организациями 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, предприняли попытку нанести удар по прогрессивно настроенным силам, чье влияние и популярность в Афганистане росли год от года, чтобы устранить их из политической жизни общества и одновременно заставить правящую монархическую верхушку отказаться от планов проведения намеченных демократических реформ и преобразований. С этой целью воинствующие клерикалы создали "Комитет, ответственный за дела ислама". По его призыву в последней декаде апреля в Кабул из разных районов страны, главным образом из южных и восточных провинций, прибыло не менее полутора тысяч мулл. Они сразу же приступили к проведению массовых сборищ в столичной соборной мечети Пули-Хешти, привлекая на свою сторону фанатично настроенную часть горожан и деклассированные элементы. Ежедневно при их участии, в сопровождении многочисленных полицейских устраивались шествия по центральным улицам столицы. В течение первых дней духовенство выработало более десятка требований к правительству и в ультимативной форме предписало ему незамедлительно выполнить их. Главными из них были: запретить выпуск газеты левых взглядов "Парчам" и наказать ее издателей; не допускать проникновения в страну коммунистических идей; запретить ношение женщинами мини-юбок и брюк-клеш молодыми людьми и предписать гражданам обязательное ношение традиционной национальной одежды; наложить строжайший запрет на демонстрацию иностранных фильмов, показывающих обнаженных женщин; уволить всех женщин из государственных учреждений и предоставить работу мужчинам – кормильцам семей.

К середине мая власти Афганистана стали терять контроль над ситуацией в столице. "Улица" оказалась почти полностью в руках нелояльных правительству духовных авторитетов. В один из таких дней, пренебрегнув советами афганских друзей не появляться в центре города по соображениям безопасности, мне пришлось проезжать мимо мечети Пули-Хешти, где в тот момент митинговали тысячи людей. К несчастью, мотор заглох. Поскольку сидеть в машине, на глазах экзальтированной толпы было рискованно, я поспешил искать временное "убежище" у находившегося поблизости Сингха, пока шофер-афганец не отремонтирует машину. При виде растерянного хозяина аптеки я понял, что он очень озабочен по поводу всего происходящего в городе. И, как оказалось, было отчего. Сингх показал мне листовку устроителей шабаша в столице, отпечатанную типографским способом на языке дари. При беглом ее чтении стало очевидным, что духовные лидеры уже не ограничиваются выпадами против левых сил страны, а направляют свой главный удар против правящих монархических кругов. В листовке, в частности, утверждалось, что "правительства Афганистана создают благоприятные условия для деятельности продажных группировок и плечом к плечу

с ними выступают против ислама и религиозного движения". Она заканчивалась призывом к верующим и весьма оригинальными лозунгами:

"Люди! Если вам действительно дороги судьбы ислама и народа, если вы не хотите свое честное имя и бесценную кровь обменять на образ мыслей, купленный на грязном рынке восточного империализма, становитесь в ряды сторонников священной религии и поднимайтесь на священную войну против всех общественных пороков и антиисламских элементов!

Долой сторонников ленинизма!

Долой эксплуатацию Востока и западный империализм!

Смерть шпионам социал-империализма!

Смерть шпионам США и русского ГПУ!"

После опубликования данной листовки правящие круги Афганистана, опасаясь, как бы дальнейшее развитие событий не привело к открытому антиправительственному мятежу, приказали войскам и полиции вывезти из столицы в ночь с 24 на 25 мая всех мулл, которые прибыли сюда из других провинций, и прекратили, таким образом, их сборища, митинги и шествия по городским улицам.

Не достигнув своих целей путем массовых действий, религиозные экстремисты перешли к актам насилия и запугиванию тех, кто, по их взглядам, нарушал моральные устои и предписания ислама. В Кабуле в то время было отмечено много случаев, когда подростки, подстрекаемые их клерикальными наставниками, с помощью пульверизаторов обрызгивали серной кислотой открытые части тела женщин и девушек, появлявшихся на улицах города в европейском платье. Многие из них были госпитализированы. Досталось, впрочем, и королю. В Джалалабаде наэлектризованная духовниками толпа горожан и жителей окрестных деревень, бесчинствуя и сметая все на своем пути к центру города, ворвалась в кинотеатр, сорвала со стены большой портрет монарха и под неистовые крики "Король – кафир!" разорвала его в клочья. А на кабульские улицы была выпущена рыжая собака, на бритой голове которой кровью было написано "Захир-шах". На потеху обывателей базара полицейские долго гонялись за бездомным псом, пока его не поймали.

При беглом взгляде кабульский базар предстает крайне хаотичным и в любое время года каким-то неухоженным. Но если присмотреться к нему повнимательнее, то нельзя не заметить его внутреннюю, строго выдержанную самоорганизацию, его, пришедшую из глубины веков, цеховую структуру во главе со своими старейшинами – халифе. В соответствии с древними традициями, весь город поделен на множество цеховых рядов – булочников, кондитеров, бакалейщиков, мясников, медников, жестянщиков, сапожников, портняжных дел мастеров, книготорговцев и пр., и пр. Причем каждый из этих рядов может занимать переулок, улицу или даже целый городской квартал. В них действуют свой негласный устав, свои незыблемые деловые и этические нормы и правила поведения, обязательные не только для местного люда, но и в некоторой степени даже для иностранцев. Хотя, надо оговориться, последним многие их огрехи, если они не задевают национальное и религиозное достоинство хозяев базара, великодушно прощают.

Все же порой незнание и неучет многих условностей, бытующих на восточном базаре, сопряжено с риском попасть в весьма неловкое, щекотливое положение. Памятуя об этом, прежде чем отправиться на базар с целью приобретения для личной библиотеки священной книги мусульман - Корана, я был любезно посвящен моими друзьями-афганцами в кое-какие тонкости на сей счет. В частности, они рассказали мне, что в исламском мире самыми престижными считаются экземпляры Корана, изданные в богословских центрах Каира, Лахора и Тегерана; что при покупке этой книги недопустимо торговаться по поводу его цены; что подавать и принимать Коран предписывается исключительно обеими руками (но ни в коей мере одной рукой, даже правой); что совершенно неприемлемо спрашивать, сколько он стоит. В последнем случае незамедлительно последует категорический ответ:

– Коран - священная книга. Она бесценна и не продается.

Чтобы избежать подобной неприятной ситуации, принято использовать другую вербальную формулу:

– Будьте любезны, скажите, сколько полагается с меня за этот драгоценный подарок?

Итак, вооружившись минимумом знаний по поводу базарного этикета, я отправился на знаменитый кабульский книжный ряд, расположенный между столичной соборной мечетью Пули-Хешти и центральным городским проспектом Майвандом. В плотной веренице лавок мое внимание привлекла одна из них, где на возвышении, в окружении книжных полок восседал седовласый, благопристойного вида старичок, с аккуратно подстриженной бородкой, в белой чалме на голове и неизменной в таком почтенном возрасте расшитой растительным орнаментом жилетке, надетой поверх белой рубашки.

– Салам-алейком, баба-джан, – поздоровался я и слегка поклонился в его сторону.

– Алейком ос-салам, уважаемый, – ответил он, наклонив голову и прижимая правую руку к груди.

– Что изволите? Я к вашим услугам.

– Мне хотелось бы иметь священный Коран, желательно каирского, лахорского или же тегеранского издания.

– Да поможет вам Аллах в ваших исканиях! У меня есть в наличии священная книга, изданная в Лахоре.

– Могу ли посмотреть ее? – попросил я.

Старичок явно смутился, развел руками, видимо, заподозрив во мне иностранца, а, может быть, и кафира, затем обратился к стоявшему рядом мальчику на побегушках:

– Быстро сбегай к халифе и спроси, можно ли священный Коран подарить иностранцу?

Через две-три минуты запыхавшийся мальчуган возвратился и, кивнув в мою сторону, сказал:

– Халифе говорит, что можно.

Посмотрев предложенный мне томик Корана и уточнив, во сколько мне обойдется этот дар, я вручил старичку означенную сумму, которую он, не считая, положил в находившийся перед ним деревянный ящи-

чек. Вслед за этим он взял обеими руками лежавший на прилавке Коран и, слегка наклонив голову, приложил его ко лбу, затем к губам и сердцу и лишь после этого с поклоном протянул подарок мне. Подобным образом, соблюдая принятые в этом случае этикетные нормы, принял дар и я. При этом мне искренне хотелось всеми своими жестами и поведением рассеять возникшие было у благочестивого старичка сомнения относительно моей персоны.

...Крылатая фраза "Восток – дело тонкое" из известного советского кинофильма стала уже хрестоматийной. Мне думается, многие из представителей Запада, так или иначе соприкасавшиеся с Востоком, могут подтвердить эту непреложную истину тысячами ярких примеров, Им, воспитанным в духе западных ценностей, особенно бросаются в глаза своеобразный уклад жизни и образ мысли восточных людей, их обычаи и традиции и, главное, их самобытная культура, пришедшая из глубины веков, которую они (люди Востока), независимо от своего социального статуса и уровня грамотности, бережно сохраняют и которой заслуженно гордятся как своим величайшим историческим достоянием.

В связи со сказанным мне вспоминаются встречи и беседы с простым, ремесленным человеком кабульского базара. В те годы, собирая лексику и терминологию для русско-дари технического словаря, мне привелось посетить многие мастерские и кустарные производства города. Именно там я ощутил особую "восточность" Востока. В их числе была и сапожная мастерская, располагавшаяся тогда на оживленной улице под названием "Велаяте Кабул".

Следует заметить, афганские сапожники издавна славились своим мастерством не только внутри страны, но и за ее пределами, в частности в Средней Азии и Индии. И в наше время сшитая ими обувь отличалась изяществом и прочностью, не уступая своим качеством подобным образцам западного машинного производства. Отсюда не случайно, что услугами афганских сапожных дел мастеров широко пользовались избалованные западные ревнители модной обуви, проживавшие в Кабуле.

В упомянутой сапожной мастерской, среди десятка ее умельцев уже с первого взгляда обращал на себя внимание посетитель интеллигентного вида мастер, назвавшийся при встрече Махмудом. Это был средних лет, лысый во всю голову мужчина, восседавший на ремесленном столе с поджатыми под себя ногами. С детства отданный родителями в ученики к сапожнику он со временем вырос до мастера-виртуоза своего дела. При всем своем мастерстве он не сумел накопить денег, чтобы обзавестись семьей. Махмуд, по его рассказам, ни дня не учился в школе и не умел ни читать и ни писать. Однако у меня язык не поворачивается сказать, что он был неграмотным.

Скажу сразу: я никогда не встречал среди образованных людей в этой стране, даже имевших высшее образование и удостоенных ученых степеней, кто бы, подобно Махмуду, знал наизусть так много из произведений классиков средневековой персидской литературы. В разговоре он то и дело пересыпал свою речь афоризмами, пословицами, поговорками, изречениями известных духовных и светских авторитетов и ссылками на исторические прецеденты из жизни последних. Особенно часто и с каким-то вдохновением он цитировал знаменитых на Востоке средневековых поэтов.

Общение с Махмудом всегда было интересным и поучительным. Чтобы направить ход беседы в определенное русло, я предварительно, перед посещением мастерской готовил для "затравки" какой-нибудь отрывок из произведений персидских классиков. Кроме того, памятуя, что искренняя беседа на Востоке не может обходиться без чаепития со сладостями, обязательно брал с собой большой кулек с конфетами московских фабрик, обычно карамель, которой, как мне показалось, простые люди Кабула за чашкой чая отдают предпочтение перед шоколадными конфетами.

Наши беседы начинались, как правило, стандартно. Войдя в мастерскую и поприветствовав всех присутствовавших в ней, я доставал кулек с конфетами и говорил:

– Сладости – мои, а вот чай – ваш. Не возражаете? Получив утвердительный ответ и поговорив о том о сем, пока разливали чай, я, уловив удобный момент, переходил к "заготовке":

– Как-то на днях мне в руки попал томик дивана Хафиза. Как оказалось, он из всех женщин-красавиц выделял турчанок. Вы, конечно, помните его газель:

О, если та ширазская турчанка моим захочет сердцем обладать,
Не поскупись за родинку на щеке ей Бухару и Самарканд отдать.

Махмуд тут же samozабвенно стал читать продолжение этой газели:

Дай вина! До дна! О кравчий! Ведь в раю уже не будет
Мусаллы садов роскошных и потоков Рукнабада.

(примеч. авт.: Мусалла - загородный сад в Ширазе; Рукнабад - источник вблизи Шираза)

Прочитав газель до конца, Махмуд, обращаясь ко мне, лукаво, с некоторой долей ехидства спросил:

– Дорогой, а знаешь ли ты, что та турчанка, вскружившая голову непутевому Хафизу, была родом не из Шираза?

Не дав мне ответить на заданный вопрос, он сослался на слова самого поэта и прочитал два бейта из его другой газели:

Ты скажешь нам: "Турчанку ту я знаю хорошо.
Из Самарканда род ее!" Но ты ошибся, брат:
Та девушка вошла в меня из строчки Рудаки:
"Ручей Мульяна к нам несет той девы аромат".

(примеч. авт.: Мульян - ручей в Бухаре)

– Как видишь, – заключил Махмуд, – та турчанка "с родинкой на щеке" была вовсе не из Шираза, а из Бухары.

Как я заметил, у Махмуда, выходца из Герата, большой любовью пользовались, кроме Хафиза, еще и хорасанец Омар Хайям и гератец Абдуррахман Джами, к крылатым словам которых он часто обращался

АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

для подтверждения своих мыслей. Так, однажды, когда я восхитился сработанной им обувью, он немедля, с присущим ему достоинством привел слова своего гератского земляка:

Не тот мужчина, кто бренчит набитым кошельком,
Мужчина тот, кто знаменит отвагой и трудом.
И тут же, без паузы перешел к Хайяму, делая при чтении ударение на словах "труд" и "польза":
Послушай, юноша, что старец произносит –
Он только суть одну тебя постигнуть просит:
Не должен ты дружить с безграмотным невеждой,
Не должен труд вершить, что пользы не приносит.

Однако, слушая образную речь Махмуда, нельзя было не заметить, что у него в особом почете были социальные, гуманистические и вольнолюбивые мотивы поэзии Хафиза, Саади, Хайяма и др. Читал он их с подчеркнутым упоением, особенно Хайяма:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями.
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Мой собеседник, рассуждая о бренности жизни на этом свете, для подтверждения своих взглядов часто обращался к четверостишиям Хайяма, в которых осуждались человеческие пороки, в особенности прегрешения служителей культа. Вот одно из хаямовских четверостиший, однажды прочитанное Махмудом:

Я презираю лживых, лицемерных
Молитвенников сих, ослов презренных.
Они же, под завесой благочестья,
Торгуют верой хуже всех неверных.

Такой сарказм и категоричность, исходившие из уст глубоко верующего человека, показались мне крайне удивительными, что и заставило спросить Махмуда:

– Махмуд-джан, неужели все духовные лица такие?
– Нет, конечно же, не все. Но у нас, в народе, о них принято говорить: "Поступай так, как говорит мulla, но не делай так, как поступает он".

При этих словах мне подумалось, что и в других религиях, в частности в православии, восприятие духовных лиц также далеко не адекватное. Широко известно, что многие из них в народной памяти и в произведениях русской литературы предстают, как правило, в образе лицемеров, пьяниц, чревоугодников, мракобесов, интеллектуально ущербных особ, но никак не безукоризненных праведников.

Махмуд, безусловно, был незаурядным человеком. Вместе с тем, надо признать, он не являлся каким-то исключением. На Востоке образность мышления и богатство речи, подкрепленное ссылками на народную мудрость и крылатые выражения классиков национальной литературы – явление довольно распространенное среди умудренных жизненным опытом людей. Это особенно характерно для представителей социальных низов. В беседах с Махмудом меня никогда не покидала мысль, что он при его цепкой памяти и высоких умственных способностях мог бы достичь высокого положения в обществе, если бы не бедность, лишившая его возможности получить образование.

Много лет спустя мне пришлось встретиться на кабульском базаре бывшего, к тому времени разорившегося хозяина сапожной мастерской. В ходе разговора я не упустил случая спросить его:

– Где же сейчас и чем занимается Махмуд?

Мой старый знакомый глубоко вздохнул и, не скрывая сожаления, тихо ответил:

– Он еще в конце 70-х годов ушел к моджахедам. И, как сказывают, погиб где-то в горах.

Потрясенный услышанным и немного придя в себя, я подумал, что иное в судьбе Махмуда вряд ли можно было предугадать. Ему, фанатично верующему мусульманину, не случайно оказались гораздо ближе призывы религиозных экстремистов, нежели демократически окрашенные, но малопонятные при всей их красноте лозунги местных левых демократов и либералов о свободе, равенстве и братстве. Такова, к сожалению, проза жизни.

В свое время на кабульском базаре известностью, особенно у иностранцев, пользовалась мужская парикмахерская (сальмани), расположенная в центральной части города, напротив красивейшей столичной мечети Хаджи Якуба (другое ее название – "Масджеде-Шерпур"; в кругу иностранцев ее чаще всего называли "Голубой мечетью"). Постоянно посещая эту парикмахерскую в течение более чем 40 лет (с перерывами между командировками), нельзя было не заметить разительные перемены в ее облике, убранстве и размерах. Если на первых порах она ютилась в маленькой комнатухе с одним всего-то креслом для клиента, то по прошествии примерно двух десятков лет это был уже шикарный, большой и светлый салон, в котором трудились несколько мастеров. Сам же хозяин, немного постарев, теперь уже предпочитал обслуживать только избранных – своих старых знакомых и высокопоставленных особ.

Замечу, что во все времена его сальмани редко когда пустовала. Клиентов она привлекала своей безукоризненной чистотой и уютом, профессионализмом ее мастера-хозяина и, несомненно, его типично восточной приветливостью. Делал он свое дело, не спеша, с подчеркнутой тщательностью и радением. Одновременно он почти безмолвно что-то рассказывал тихим голосом. Чаще всего предметом его повествований были светские, базарные, новости и слухи. Слушая его, приходилось подчас поражаться его осведомленности о событиях в городе, стране и мире. И так продолжалось не менее часа. Заранее зная об этом, направляясь к нему, надо было обязательно иметь в запасе минимум полтора-два часа времени.

Однако его чародейство не заканчивалось только прической. По ее завершении он внимательно осматривал со всех сторон плоды своего труда и, убедившись в добротности содеянного, осторожно поворачивал

кресло к себе, низко наклонялся к клиенту и, смотря ему прямо в глаза, каким-то таинственным голосом, учтиво спрашивал:

– Можно ли, дорогой, поправить твои усы?

Получив утвердительный ответ и выбрав нужные ему ножницы среди множества находившихся на столе инструментов, он начинал неторопливо священнодействовать над моими усами. Такое трепетное отношение к данному мужскому "аксессуару" было вполне объяснимым. Поступая именно так, Мастер явно руководствовался не столько профессиональными этическими нормами, сколько неписаными законами адата. Как известно, согласно этим законам, если кто-либо преднамеренно схватит другого за усы и бороду, то такое действие рассматривается как грубейшее оскорбление чести и достоинства мужчины и карается штрафом до 90 кабульских рупий (в начале 80-х гг. XX в. это составляло по официальному курсу около 1500 долларов США).

Наступало время расчета за оказанную услугу. Хотя я заранее знал ответ Мастера, тем не менее, глядя в зеркало и с восхищением оценивая его труды, ради приличия спрашивал:

– Чем я обязан, дорогой халифа, за такую прекрасную работу?

– Ничего не стоит! – всегда стандартно отвечал он. – Сколько изволите, любезный. Для тебя лично можно и даром.

Уточнять далее размер платы не имело смысла, да и в общем-то представлялось неэтичным. Достав из кармана несколько банкнот высокого достоинства, я с выражением благодарности передавал их халифе. Тот со словом "спасибо" и низким поклоном, не пересчитывая, равнодушно клал их в ящик стола. Прощаясь, он неизменно говорил:

– Да хранит тебя Бог! Когда понадобится, обязательно приходи ко мне. Я всегда рад видеть тебя!

Рассказ о кабульском базаре будет неполным, если не упомянуть об афганских кочевниках, которые дважды в год – ранней весной и поздней осенью – традиционно проходят по столичным улицам, внося этим заметное оживление в веками устоявшуюся рутинную городскую жизнь.

О их появлении в окрестностях города, как правило, извещают в одночасье заполняющие буквально весь базар лепешки свежей брынзы, завернутые в невесть откуда взятые большие зеленые листья. Через две-три недели, с наступлением теплых весенних дней, кочевники со своими стадами вступают в город, направляясь на сочные пастбища на склонах Гиндукуша. И всякий раз, из года в год, их горделивые шествия по улицам столицы неизменно воспринимаются горожанами как зрелище экстраординарное, сенсационное. Нельзя не заметить, что и сами кочевники остро чувствуют повышенное внимание к себе. В связи с этим они не упускают случая всем своим видом бросить вызов чуждому им оседлому образу жизни и продемонстрировать перед последним свою свободу и чувство собственного достоинства, самоуверенность в себе, воинственность и отвагу, гордость своим независимым положением.

Особенно восхищают городских обывателей стройные, не лишённые внешнего обаяния бронзоволицые женщины-кочевницы, не признающие узаконенной исламом закрытости (т.е. обязательного ношения чадры). В своем поведении они совершенно раскованны и каждым своим шагом показывают не только свое равенство с мужчинами, но и еще определенное превосходство над ними.

Осознавая пристальный интерес к себе со стороны оседлых жителей, кочевники стараются всеми силами придать своему прохождению по городским улицам торжественный, зрелищный характер. К этому они заранее тщательно готовятся: мужчины бреют бороды, оставляя не тронутыми пышные черные усы, надевают праздничную национальную одежду, начищают до блеска огнестрельное и холодное оружие, аккуратно укладывают на вьючных животных свой нехитрый скарб.

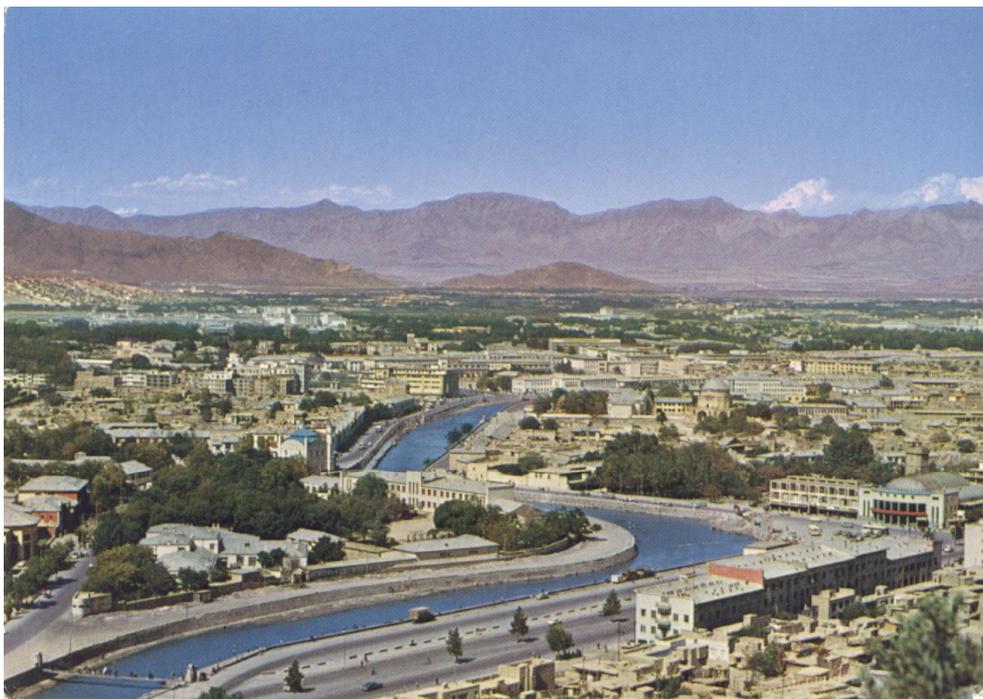
По заведенной веками традиции, впереди кочевого каравана, вслед за мужчиной-главой клана, как правило, шествует одна из женщин-кочевниц, с вызывающе открытым для ортодоксов ислама лицом, одетая в разноцветное платье, где преобладают малиновые, красные и черные тона, с неизменной горкой металлической посуды на голове. За ней семенит отара коз и овец и далее тянется цепочка неспешных верблюдов и осликов. Среди нагруженных на них пожитков можно с удивлением наблюдать тут и там качающиеся в такт шагов животных головки малолетних детей и рядом с ними кур и петухов, привязанных к торчащим среди поклажи коротким кольям от кочевых шатров и палаток.

По бокам каравана твердым шагом, с высоко поднятой головой идут мужчины. В их облике, кроме всего прочего, в глаза, прежде всего, бросаются лихо, по-пуштунски повязанная на голове серая или полосатая чалма и на плече – богато инкрустированное раритетное ружье. Эту необычную картину дополняют свирепые собаки-волкодавы, следующие у ног своих хозяев.

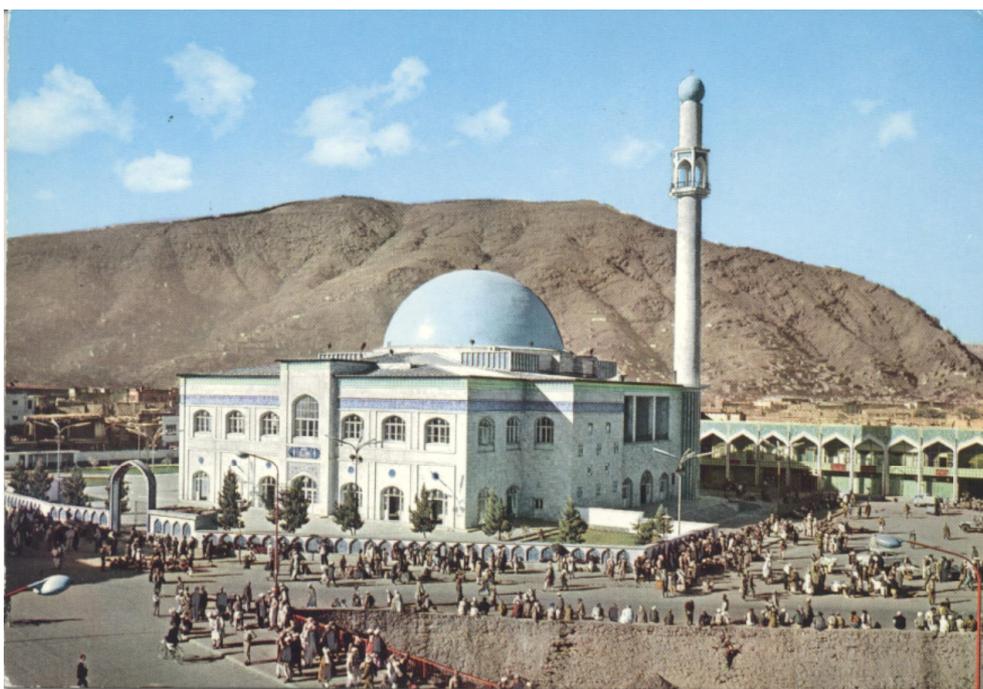
В 60-х годах прошлого века всеобщее любопытство и разного рода домыслы у столичных жителей вызвало появление в городе одного кочевого племени, во главе каравана которого в течение ряда лет шла белокурая и белолицая, средних лет стройная женщина. Посмотреть именно на нее собирались толпы людей. Ходили слухи, что это была не то американская, не то европейская журналистка, собиравшая материалы о жизни и быте пуштунских кочевых племен и будто бы любезно принятая старейшинами племени в свои ряды на условиях равноправного члена их сообщества. Если эти слухи соответствовали действительности, то, думается, трудно найти иную ситуацию, при которой можно было бы глубже и всестороннее познать внутренний мир, поведенческие мотивы, быт и нравы, и менталитет кочевников.

(продолжение следует)

© Фото Асефи, из архива автора, салона «Намид-зада» и альбома «Afghanistan. Ancient Land With Modern Ways»

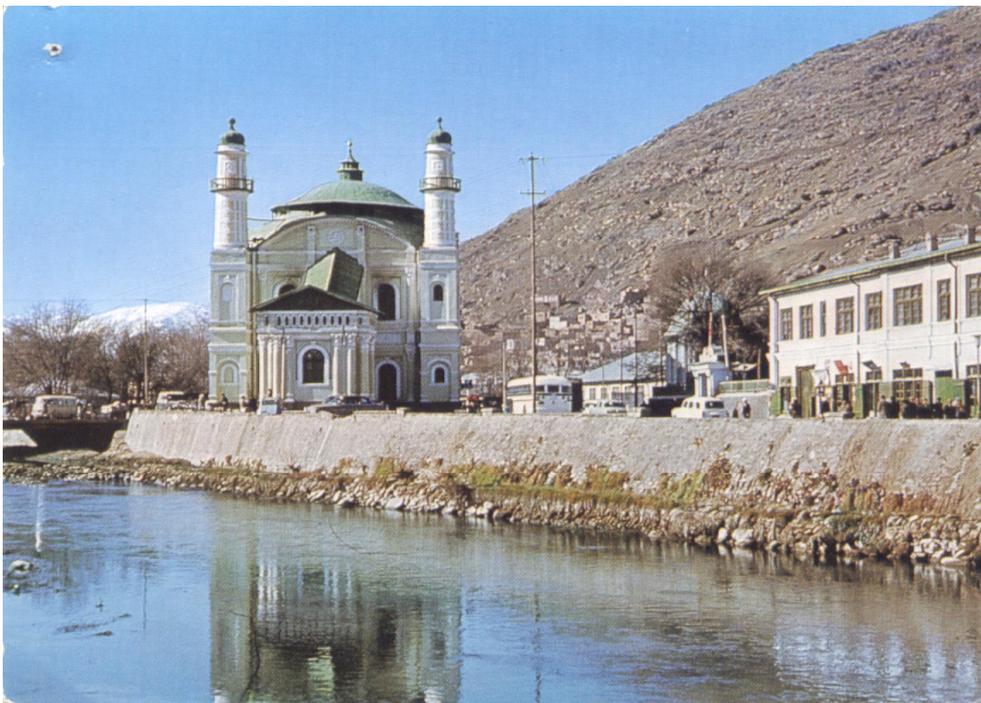

Кабул. Вид с горы Шер-Дарваза. В центре (справа у излучины реки) старое советское посольство.

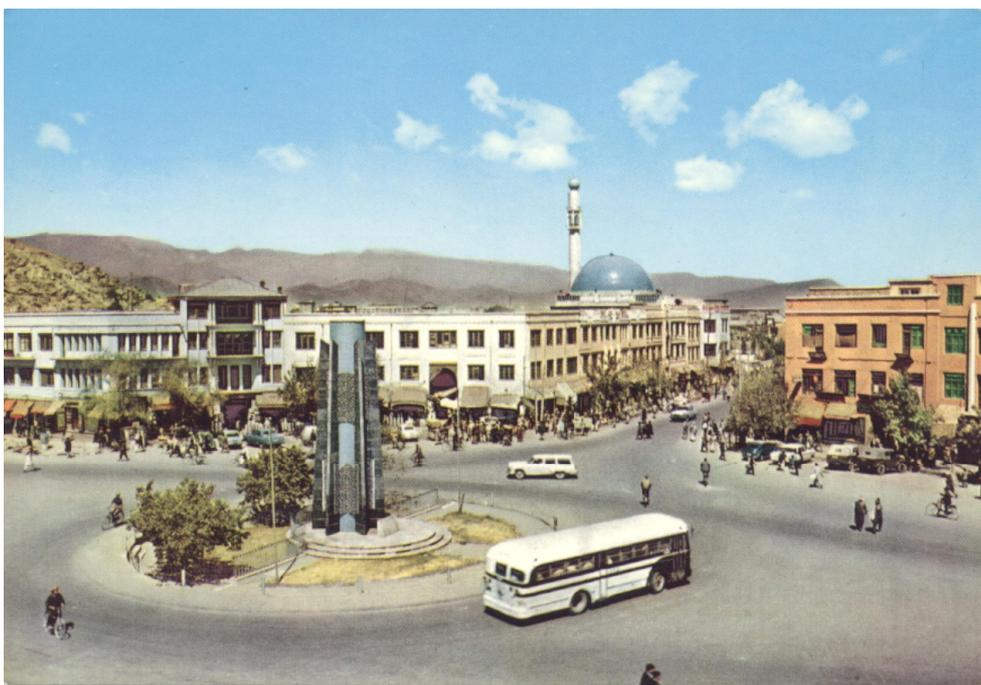

Столичная соборная мечеть «Пули-Хешти»

© Фото Асефи, из архива автора, салона «Намид-зада» и альбома «Afghanistan. Ancient Land With Modern Ways»

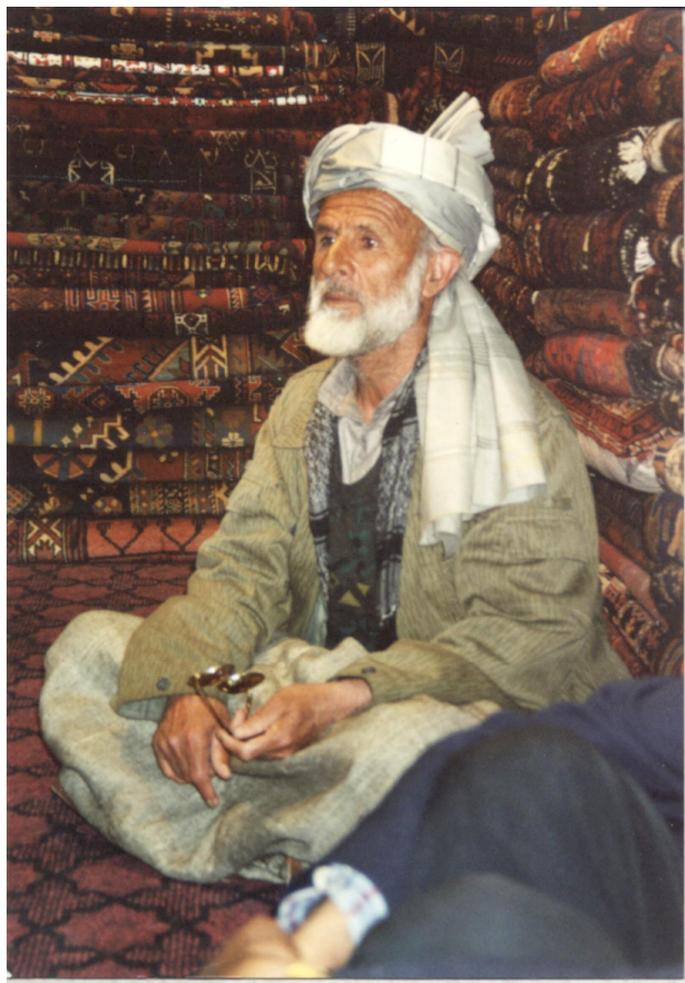
Кабул. Мечеть «Шах-и Дошамшира»

Кабул. Центральный проспект Майванд. Монумент в память «Неизвестного солдата»

Сапожная мастерская. В центре (в углу) мастер Махмуд.

Кабул. Торговец коврами.

© Фото Асефи, из архива автора, салона «Намид-зада» и альбома «Afghanistan. Ancient Land With Modern Ways»

Кабул. «Зеленый базар».

Кабул. Хазарец – торговец сухофруктами.

Хазарейцы-сакао (водоносы) на улицах Кабула.

Кочевники на улицах Кабула.

© Фото Асефи, из архива автора, салона «Намид-зада» и альбома «Afghanistan. Ancient Land With Modern Ways»

Одинокая кочевница